

3. Iglton T. *Pochemu Marks byl prav* [Why Marx Was Right], Moscow, Karera Press Publ., 2012. 304 p.
4. Lavdzhoy A. O. *Velikaya tsep bytiya: Istoriya idei* [The Great Chain of Being: A Study of The History of An Idea], Moscow, DIK Publ., 2001. 376 p.
5. Likhachev D. S. *Tekstologiya: kratkiy ocherk* [The textology: short essay], Moscow – Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 13.
6. Plotnikov V. I. (ed.) *Mnogoobrazie zhanrov filosofskogo diskursa* [The Variety of philosophical discours' genres], Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ., 2001. 276 p.
7. Pyatigorskiy A. M. *Vvedeniye v izucheniyе buddiyskoy filosofii (devyatnadsat' seminarov)* [The Introduction to buddhist philosophy studies (nineteen seminars)], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 8.
8. Pyatigorskiy A. M. Tri besedy o metateorii soznaniya (sovместно s M. K. Mamardashvili) [Three talks on consciousness metatheory (with M. K. Mamardashvili)]. *Izbrannyye trudy* [Selected works], Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kultury» Publ., 1996, pp. 61–108.
9. Rorty R. Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [The historiography of philosophy: four genres]. Available at: <http://philosophy.ru/library/rorty/r4.html> (accessed: 01.06.2014)
10. Rorty R. Filosofiya i budushchee [Philosophy and the future]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1994, no. 6, pp. 29–34.
11. Ryskeldieva L. T. Distsipliniruyushchaya rol istorii filosofii [The history of philosophy should be a discipline]. *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of philosophy: the challenges of XXI century], Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2014, pp. 89–96.
12. Ryskeldieva L. T. Ob odnoy iz osobennostey filosofskogo teksta [On one of the features of philosophical text]. *Uchenye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya»* [Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series “Philosophy.Culturology. Political Sciences. Sociology”], 2012, vol. 24 (65), no. 4, pp. 3–
13. Sloterdajk P. Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of cynical reason], Yekaterinburg, Ural State University Publ. House, 2001. 584 p.
14. Solovev E. Yu. Biograficheskiy analiz kak vid istoriko-filosofskogo issledovaniya [Biographical analysis as a sort of the research in the history of philosophy]. *Proshloye tolkuyet nas (Ocherki po istorii filosofii i kultury)* [The Past interprets us (Essays on the history of philosophy)], Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 19–52.
15. Solovyev E. Yu. Istoriya filosofii kak muzey i teatr [History of philosophy treating as the museum and as the theatre]. *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of philosophy: the challenges of XXI century], Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2014, pp. 143.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ ПО СОЧИНЕНИЯМ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Щербакова Лилия Валерьевна, кандидат культурологических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: lscherbakof@yandex.ru

В данной статье рассматривается проблема восприятия пространства и времени, свойственного жителям Московского государства (вторая половина XV – конец XVII столетия). Субъективное восприятие указанных категорий в определённую историческую эпоху позволяет увидеть культуру общества во всей полноте и многообразии. Однако круг источников по данной тематике довольно скуден. Поэтому следует обратиться к свидетельствам иностранцев, посетивших Россию в исследуемый период, и проанализировать ту сведения, которые, в той или иной степени, отражают указанную проблематику. И хотя свидетельства европейцев в данном вопросе ограничены в силу специфики темы, вполне возможно выделить необходимую информацию. В статье исследуются следующие объекты повседневного мира средневекового россиянина, которые могут быть отнесены к категории пространства: дом (и придомовая территория: двор и служебные помещения), поселение, страна и «чужая» территория. При восприятии времени анализируются историческое, природное (биологическое), божественное время.

Ключевые слова: пространство, время, восприятие, сочинения европейцев о России, Московское государство, русская средневековая культура, повседневная жизнь, дом, граница, населённый пункт, своя и чужая территория, природное, историческое, сакральное время, доиндустриальное общество

THE PERCEPTION OF SPACE AND TIME IN RUSSIAN MEDIEVAL CULTURE ACCORDING TO THE WRITINGS OF EUROPEANS

Shcherbakova Liliya V., Ph.D. (Culturology), Associate Professor

Astrakhan State Technical University
16 Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: Ischerbakof@yandex.ru

In this article the problem of perception of space and time peculiar to inhabitants of the Moscow state (the second half of XV – the end of the XVII century) is considered. The subjective perception of the specified categories during a certain historical era allows to see culture of society in all completeness and variety. However the circle of sources on this subject is quite poor. Therefore it is necessary to address to certificates of the foreigners who have visited Russia during the studied period, and to analyse those data which, to some extent, reflect the specified perspective. And though certificates of Europeans in the matter are limited owing to specifics of a subject, it is quite possible to allocate necessary information. In article the following objects of the daily world of the medieval Russian which can be referred to category of space are investigated: house (and house adjoining territory: yard and service premises), settlement, country and "others" territory. At perception of time are analyzed historical, natural (biological), divine time.

Keywords: space, time, perception, compositions of Europeans on Russia, Moscow state, Russian medieval culture, everyday life, house, border, settlement, personal and others' territory, natural time, historical time, sacral time, preindustrial society

Пространство и время относятся к основным универсальным категориям бытия. Как известно, И. Кант подразумевал под ними априорные формы рассудка, позволяющие интерпретировать мир. Время и пространство объединяют людей. Каждая культура формирует своё, присущее только ей, субъективное восприятие данных атрибутов. Темпоральные представления и пространственные характеристики, как структурные элементы культуры, осуществляют связь и взаимодействие повседневной жизни с различными уровнями макро- и микроистории. Как отмечает О.В. Забродина, в историческом контексте пространство и время всегда были наполнены «ценностными смыслами бытия человека» [3]. Значит, способы восприятия времени и пространства, рассмотренные в историческом аспекте, могут быть поняты как ключевые параметры, позволяющие более глубоко и детально исследовать ту или иную культуру в целом и отдельные её свойства.

Период со второй половины XV до конца XVII вв. для русской культуры имел определяющее значение. Именно в этот временной отрезок складывается российское государство, на него приходится Смута и смена царствующих династий. В эту эпоху окончательно вырабатываются черты русской традиционной культуры, сохраняющей многие свои ключевые признаки вплоть до Новейшего времени.

Восприятие пространства и времени относится к разряду ментальных категорий, анализ которых весьма ограничен по отечественным источникам. Во-первых, ментальность, как часть повседневной культуры, практически не рефлексивируется своими носителями. Во-вторых, воссоздание жизненного мира людей, живших много веков назад, значительно затрудняется скудостью любых источников по данной теме. К тому же исследуемые нами категории в указанный период ещё не были предметом ни научного исследования, ни обыденного интереса.

Изучать категории повседневной культуры ушедшего времени, на наш взгляд, возможно по свидетельствам современников-иностранцев. Они замечали те стороны

русской жизни, которые самими русскими не освещались в источниках. В Московское государство приезжало немало европейцев, они смогли оставить после себя значительное количество произведений о своём загадочном и удивительном соседе.

Однако судить о таких ментальных категориях как восприятие пространства и времени по сочинениям европейцев довольно трудно в силу означенных выше причин. Тем интереснее проследить данный аспект по косвенным ссылкам и упоминаниям. В ряде случаев мы будем отмечать не столько восприятие данных категорий, сколько влияние их на русскую традиционную культуру в исследуемый период.

Отношение к пространству может быть проанализировано через восприятие следующих объектов: дом (и более широко – домовая территория, включающая двор и служебные помещения), поселение, страна и «чужая» территория.

Для русского человека дом – важная составляющая личного и семейного пространства. В нём было позволено то, что запрещено за его пределами. Можно отметить часто встречающееся замечание европейцев, что русские люди дома ходили в неопрятной одежде, если никто не видел. И хотя сами европейцы не могли судить об этом наверняка, сам факт подобного отношения говорит о многом.

В собственном доме человек чувствовал себя в безопасности, правда, относительной, так как не был защищён от стихийных бедствий: все иностранцы описывали неоднократные, разрушительные пожары, во время которых гибли люди. Дом защищал от плохой погоды, и от всего «чужого», от нечистой силы. Интересно, что ни в одном из анализируемых нами сочинений европейцев не встречается описание известных способов защиты дома от нечисти: деревянной резьбы и иных украшений ставень, крыши, дверей и ворот. По всей видимости, иностранцы не придавали им никакого значения. В любом случае, дом оказывался безопасным не только для хозяев, но и для домашних животных. Последние таким образом оберегались не только от холода, но и от воровства.

Пространство русского дома было функционально. Разграничения по определённым блокам: спальное место, место для еды или работы – в большинстве случаев носили формальный характер. Часто лавка, на которой днём сидели за обеденным столом, вечером становилась рабочим местом, а ночью служила постелью. В то же время при описании домов русской знати и зажиточных горожан подобного мы не встречаем. В них существовали различные комнаты и помещения. При этом, согласно обычаю, женщины в знатных семействах вели затворнический образ жизни [5, с. 260]. Как следствие, они имели отдельные покои, доступ в которые постороннему человеку был запрещён.

Придомовая территория редко описывалась европейцам, возможно потому, что, включённая в пространство дома, она также была закрыта для «Чужого», если тот не приглашается специально. Поэтому судить о ней европейцы часто могли только по внешним признакам, увиденным через ограду: наличие служебных помещений, садов, огородов. Домовладение являлось своеобразной моделью мира для отдельной семьи. Зажиточные люди возводили на территории двора не только хозяйственные постройки, но и бани и даже часовни для семейного пользования. Адам Олеарий утверждал, что каждый пятый дом в Москве – часовня [14, с. 320]. Жизнь знатной женщины нередко составляла только этот мирок и не более того.

Для бедного населения собственный мир повседневной жизни, с одной стороны, ограничивался только жилым помещением, так как на остальное не хватало средств. Европейцы свидетельствовали, что у бедняков в доме вместе с членами семьи жила круглый год мелкая скотина. С другой стороны, повседневное жизненное пространство расширялось до улицы или небольшого района, где располагались рынок, церковь и общественные бани.

У всех жителей, за исключением нищих, имелись собственные дома. Для русских людей не характерна была сдача жилья в наём, как в европейских городах. Интересно, что в России, где всё считалось собственностью царя, по-сути, единственным «своим» имуществом являлся дом. Случаи насильного выселения из дома встре-

чались только при описании опричнины [22, с. 411]. В Европе же, несмотря на развитие представлений о частной собственности, большинство горожан не владели своим жилищем. Например, многие лондонцы «имели не собственное жилье (дом или квартиру), а предпочитали арендовать помещения для проживания. И это касается не только бедняков, у которых не было средств для покупки жилья, но и представителей аристократии» [12, с. 72].

Пространство населенного пункта практически всегда выделялось конструктивно: вал, насыпь, забор, ров, деревянные (с XVI в.) и каменные кремли использовались и естественные преграды, такие как река или озеро. Граница поселения имела важное значение на ментальном уровне. Как и в случае с жилищем, эта граница четко очерчивала «свое» пространство и всё остальное. Практическую и символическую связь между ними осуществляли ворота. Они регламентировали как проникновение «извне» всего чужеродного, так и выход «своих». Многие европейцы донесли до нас изображения и описания крепостей, по которым можно судить о разграничении функций ворот: одни предназначались для торжественных церемоний и открывались редко, иные использовались в повседневной жизни для хозяйственных нужд и деловых целей. Интересное сообщение мы встречаем у Николая Варкоча, описывавшего устройство крепостей внутри Москвы: «В этих различных городах много рогаток на улицах, которые в ночное время запираются, но ворота в городской стене остаются незаперты» [15, с. 36]. Если данный факт верен, то сам по себе показателен: в отличие от европейских городов, запиравших на ночь ворота, в Москве, при ограничении передвижения внутри городских стен, всегда сохранялась возможность запоздалому путнику попасть в город.

Внутри Москвы четко разделялись отдельные кварталы-города¹, имелись особые территории для иноземцев, сначала город Наливки, а потом – Немецкая слобода. Похожие сведения приводил в начале XVII в. Аксель Гюльденстиерне, например, о Старице и Торжке: несколько городов, некоторые довольно далеко отстоящие друг от друга, составляют «всё же один город» [19, с. 93]. Возможно, что в это время такие большие города в России ещё слабо осознавались как единое пространство.

Особое значение в них имели крепости, доступ в которые был категорично запрещён любым иноземцам. Ещё в 1470-х гг. Амброджо Контарини с недоумением и возмущением писал по поводу его выселения за пределы Кремля, где он жил несколько дней в доме своего соотечественника архитектора Фиораванти: «и откуда это пришло – не пойму!» [6, с. 440]. Интересно, что отношение к живущим в Москве иностранцам, со временем меняется в сторону ужесточения: проживавшие в ней свободно во времена Ивана IV, в XVII в. они были вытеснены даже из Земляного города. Впрочем, как отмечали европейцы, местные протестанты сами это заслужили неблагочестивым поведением. Адам Олеарий свидетельствовал, что во время его пребывания из столицы в Немецкую слободу перенесли и их церкви, и жилые дома [14, с. 321]. В предместья были вытеснены все «не свои» – местное неправославное население: проживавшие постоянно в России иностранцы, татары; перекресты (католики и протестанты, принявшие православие) [16, с. 351].

Как мы можем видеть, даже «свое» пространство внутри города тщательно структурировалось. Лучше всего это проследить по описаниям Москвы, имевшей несколько крепостных стен. Центр сосредотачивал атрибуты божественной и царской власти: в Кремле имелись царские палаты, дворцы самых знатных и родовитых людей, патриарший двор и самые значительные соборы и церкви. Дома знати и богатых купцов были расположены ближе к Кремлю, здесь же находились Гостиные дворы, государственные службы и лучшие рынки. Далее шла территория, где жили ре-

¹ Авторы приводят разнообразные русские названия четырёх частей Москвы: Китай-город, Иван-город, Царь-город, Стрелецкий, Земляной, Белый город, Скородом. Якоб Рейтенфельс даже использовал термин "Кремль-город" [5, с. 354].

месленники и торговцы. Здесь существовали огороженные места для потребления алкоголя, для продажи леса, для защиты запасов и т.д. Внутри последнего пояса размещены были помещения для послов, дома некоторых иноземных купцов, солдатские слободы для охраны столицы. Аналогичное строгое разграничение пространства поселений мы встречаем и при описании других городов. Так, после присоединения Астрахани к Московскому государству, были соблюдены все подобные требования и в новой возведённой крепости. Иностранцы, воочию наблюдавшие жизнь в городе, с удивлением отмечали, что в Астрахани существовали строгие предписания по возведению торговых подворий, административных зданий, военных и ремесленных слобод, храмов, частных домов и правила расселения местного и приезжего населения.

Особым, сакральным, статусом наделялось пространство православной церкви, поэтому доступ в неё был строго запрещён любым иноверцам. Впрочем, Г.А. Шлейсингер в 1680-гг. отмечал ряд перемен: «у знатных господ можно, имея знакомых, без труда войти в часовню, которую они держат при доме или за городом, и таким образом наблюдать за ритуалом. В наши дни вообще упомянутое правило соблюдается не так уж строго» [21, с. 116]. Иностранцы замечали несколько важных отличий православных церквей от католических и протестантских: вследствие благоговейного отношения к храму прежде чем войти в церковь «запятнавшие себя любовными утехами» должны омыться в специальных банях [20, с. 68]; покойников хоронят за пределами церкви, «ибо считают это её осквернением» [20, с. 36]; самые большие русские церкви не могли, по мнению П.П. Ерлезунда, «сравниться величиною с самой меньшею из немецких церквей» [5, с. 278].

Значимым в разграничении пространства города являлись улицы. Они были достаточно широки: по ним могли «ехать четыре телеги рядом» [5, с. 278]. Передвижение внутри данного пространства осуществлялось различными способами: звать перемещалась на лошадях даже на короткие расстояния, простолюдины ходили пешком. Для остальных существовали извозчики. Самуил Маскевич в начале XVII в. у московских рынков насчитывал их до двухсот [5, с. 246].

Важно отметить, что проблема восприятия своей страны самими русскими скудно освещена в сочинениях европейцев. Зато по ним можно судить о том, как сами авторы воспринимали пространство этой страны. Россия вызывала у большинства из них отторжение, несмотря на колоссальные природные богатства. Показательно, что некоторые авторы фиксировали сопровождающие их неприятные запахи. Александр Строев замечает, что это было связано с переживаемыми страхами и невольным отторжением чужого [17, с. 80–82]. Гюльденстиерне постоянно отмечал, что на пути до Москвы они часто спали на улице в палатках из-за того, что даже в самых чистых домах, отводимых для герцога Шлезвиг-Гольштинского и сопровождавших его послов, ощущали вонь [19, с. 93–95].

Для европейцев Россия, в первую очередь, – это дикие просторы с ужасного состояния дорогами и мостами, с отсутствием приличных постоянных дворов; огромная территория, угрожавшая набегами разбойников и кочевников в южных районах, заселённая по окраинам дикарями и фантастическими чудовищами. И хотя ещё М. Меховский в 1517 г. отмечал: «...многие древние историки самоуверенно писали, что в тех далеких северных областях есть люди – то одноглазые, то двухголовые, есть одноногие, псоглавые, то есть с собачьими головами, есть такие, что превращаются в волков. Все это, при проверке на опыте, оказывается вымыслом и баснями» [9, с. 121], многие европейцы продолжали сообщать массу сказочных и нелепых сведений о жителях Сибири, Севера, Лапландии, Перми, Лукоморья и иных земель. Нам не удалось выяснить из записок иностранцев, разделяли ли сами русские в этот период указанные представления. Но, исходя из темпов освоения «неведомых» земель, даже если таковые и были, то быстро развенчивались. Однако существенно, что русские не спешили опровергнуть их в глазах иноземцев.

Европейцы возмущались, что русский народ предпочитал «свое отечество всем странам на свете» [10, с. 202], тщательно оберегал любые сведения о своей территории и не терпел «того, чтобы открывали тайны его страны» [1]. Странно было бы ожидать иного от людей традиционной культуры. Не зная ничего другого, русские воспринимали своеобразие пространства своей страны как само собой разумеющееся, а проблемы при его пересечении, с которыми сталкивались иностранцы, решали, исходя из накопленного опыта: путешествия совершали зимой, когда встают реки, а для защиты от разбойников на юге присоединялись к вооружённым караванам, следовавшим по рекам.

Пограничные крепости становились своеобразным рубежом, защищающим «своё» пространство от проникновения всего враждебного. Посольства низкого статуса или от военных противников не пускались дальше них. Показателен следующий случай: в 1634 г. прибывшие в Новгород одновременно шведские и голштинские послы принимались по-разному: шведов, к которым имели претензии, встретили на реке со всем пренебрежением, а голштинцев – торжественно на своём берегу [14, с. 297]. Иностранцев часто вполне оправданно задерживали на границе не только для того, чтобы дождаться ответа из Москвы о способе их приёма, но и для защиты от заразных болезней [2, с. 47].

Существовавший запрет на свободное перемещение чужеземцев и выезд из страны собственных жителей европейцы объясняли тем, что так властям удобнее держать население в рабстве и не дать ему возможности познакомиться со «свободными учреждениями других стран» [14, с. 355]. Но вернее предположить, что это не единственная возможная причина. Здесь находили отражение соображения религиозной и экономической безопасности страны; отсутствие у жителей средств и потребности в таком путешествии, что вызвано было воспитанием и ментальностью. «Чужое» пространство враждебно именно потому, что «чужое». Присоединение новых земель автоматически переводило их в разряд «своих», для чего местное население ассимилировалось с ними путём приобщения к русскому языку и православию. Замысловский писал о Трактате Меховского, что в той его части, где автор «указывает на единство языка и веры, как на одну из выдающихся особенностей быта Московии, он причисляет к этим особенностям и подвижность населения» [4, с. 368].

Следует помнить также, что вера требовала «ежедневного подтверждения причастности» [23, с. 63], то есть соблюдения со всей строгостью православных предписаний, что невозможно было в точности соблюсти при выезде за пределы своей страны¹. Поэтому, обеспечивавшие сами себя всеми необходимыми товарами, русские в окружении «нехристей» на уровне психологии не желали покидать страну. А жажду новых открытий и познания неизведанного, свойственную данной эпохе в целом, вполне компенсировали Сибирь и северные территории.

Говоря о понятии «время», можно выделить несколько его уровней: божественное, природное, историческое и т.д. Первое, совпадающее с космическим, определяло весь цикл жизни через религиозные предписания, главными из которых являлись посты. Мы не можем полностью принять утверждение В.Д. Лелеко, что религиозная деятельность, сакральная по своей природе, не относится к повседневному [7]. В доиндустриальную эпоху именно религия структурировала повседневное бытие. Её предписаниями определялись время работы, отдыха, молитвы. При этом молитва часто сопровождала работу и даже отдых. Посты соблюдались в России общей сложностью в течение полугода и регламентировали повседневный уклад. По сообщению Георга Текандера, народ соблюдал посты, одно- и многодневные, настолько строго, что «даже за большие деньги не согласится есть мяса, масла и творога» [18, с. 22]. Сек-

¹ Афанасий Никитин в конце своего путешествия в Индию во второй половине XV в. писал: «... благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры» [13, с. 49].

ретарь голландского посольства Балтазар Козйтт не раз отмечал, что русские даже с послами в это время не садились за стол, если на нём присутствовала скромная пища.

Календарное время определяло цикл ежегодных земледельческих работ. Для европейцев было удивительно, в каких условиях русский человек занимался сельским хозяйством: слишком короткое лето и дождливая осень вынуждали его трудиться до измождения, а потом коротать долгие зимние вечера за неспешной работой. Но городская жизнь не предполагала подобных перепадов, поэтому она была более однородна в течение всего года. Время здесь текло медлительно и размерено. Часы, как важный атрибут жизни, появились лишь во второй половине XVII в. и только в некоторых городах. Секретарь голландского посольства (1664–1665 гг.) Николаас Витсен указывал среди них Архангельск, Новгород, Москву. Как видим, речь идёт о тех городах, в которых было велико влияние европейцев. В сельской местности часов не было вообще.

Социальную активность в большей степени определяло биологическое время, так как чёткие ритмы повседневной жизни задавало именно суточное деление, которое в Московии отличалось от европейских стран. Н. Витсен писал: «Я сразу заметил, как здесь считают время: счет начинают с восхода солнца и до захода, а оттуда снова до утра» [2, с. 57]. Авторы вынуждены были пояснять, какое европейское время соответствовало русскому. Например, Жак Маржерет, много лет служивший офицером в России, отмечал, что служба в церкви «длится с семи часов до восьми, т.е. с одиннадцати часов до полудня» [8, с. 162].

Европейцы с удивлением указывали на привычку москвитян обязательно спать после обеда «по меньшей мере три часа и ложиться после того, как поужинали, зато встают они очень рано» [12, с. 169]. При этом авторы противоречили сами себе, утверждая, что вызвана была эта привычка обильной едой, хотя ей, независимо от достатка, подвержены были абсолютно все горожане: от царя до слуг в торговых лавках. Это – время отдохновения, когда любые дела откладывались в сторону.

Особое значение имело восприятие исторического времени, понимаемого в русле традиционализма, когда прошлое и будущее равнозначны, о чём можно судить по настороженному отношению к любым изменениям и нововведениям. Сюда же вписывается и такой фактор как родовая память. У русских отсутствовали любые изображения людей, что по мнению Августина Мейерберга, было чревато тем, что у потомков не остаётся в памяти образов дедов и родителей а, значит, и гордости за своих предков [12, с. 170]. При этом европейцы умалчивали о поминальных днях, установленных церковью. Отличалось от европейского в этот период и отношение русских людей к будущему: они не прибегали к астрологическим предсказаниям, так как они считали астрономию и астрологию «волшебными науками» [10, с. 215]. Летоисчисление велось от начала мира, а новый год начинался с 1 сентября [20, с. 69], а не как в Европе – от Рождества Христова и с 1 января.

Таким образом, особенности восприятия пространства и времени, наряду с другими феноменами культуры, определяли своеобразие русской социокультурной среды. Впрочем, можно отметить, что восприятие пространства и времени на ментальном уровне русскими людьми соответствовало восприятию данных категорий, в целом свойственному доиндустриальной культуре [7]. Представление о замкнутости пространства и регулярности, ритмичности, повторяемости времени придавали жизни людей некую упорядоченность, смысловую наполненность. В настоящее время подобная аксиологическая наполненность данных категорий, к сожалению, утрачивается.

Список литературы:

1. Авриль Ф. Путешествие по различным частям Европы и Азии с описанием Великой Тартарии и различных народов, её населяющих / Ф. Авриль // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Avril/text.phtml?id=627>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Витсен Н. Путешествие в Московию / Н. Витсен. – Санкт-Петербург : Symposium, 1996. – 272 с.

3. Забродина О. В. Восприятие пространства и времени: историко-культурный и аксиологический аспекты : автореф. дис. ... канд. культурологических наук / О. В. Забродина. – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2004. – 154 с.
4. Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России / Е. Замысловский. – Санкт-Петербург : братья Пантелеевы, 1884. – 563 с.
5. Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков) / сост. М. М. Сухман. – Москва : Столица, 1991. – 432 с.
6. Контарини А. Путешествие в Персию / А. Контарини // Никитин А. Хождение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в Средние века. – Москва : Эксмо, 2009. – С. 425–448.
7. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко // Медиабиблиотека филфака. – Режим доступа: <http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1220>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Ж. Маржерет. – Москва : Институт истории Российской академии наук, 1982. – 254 с.
9. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1936. – 301 с.
10. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / сост. Н. В. Бочкарёв. – Москва : «Крафт+», 2000. – 2-е изд. – 248 с.
11. Мосолкина Т. В. Город как среда обитания: Лондон во второй половине XVII века / Т. В. Мосолкина // Новая и новейшая история. – 2008. – Вып. 23. – С. 71–79.
12. Невилль Де ла Записки о Московии / Де ла Невилль. – Москва – Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1996. – 304 с.
13. Никитин А. Хождение за три моря: с приложениями других купцов и промышленных людей в Средние века / А. Никитин. – Москва : Эксмо, 2009. – 480 с.
14. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. 1640-е гг. / А. Олеарий // Россия 15–17 веков глазами иностранцев. – Ленинград : Лениздат, 1986. – 541 с.
15. Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора с 22 июля 1593 года // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1874. – Кн. 4.
16. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Я. Рейтенфельс // Утверждение династии. – Москва, 1997. – С. 240–406.
17. Строев А. Чем пахнет чужая земля / А. Строев // Ароматы и запахи в культуре. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – Книга 2. – С. 75–100.
18. Текандер Г. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / Г. Текандер // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1896. – Книга 2.
19. Фоскарино Марко Дневник Акселя Гюльденстиерне / Марко Фоскарино // Донесение о Московии... – Рязань : Александрия, 2009. – С. 85–156.
20. Фоскарино М. Донесение о Московии второй половины XVI века / М. Фоскарино. – Рязань, 2009. – С. 9–80.
21. Шлейссингер Г. А. Полное описание России / Г. А. Шлейссингер // Вопросы истории. – 1970. – № 1. – С. 103–126.
22. Шгаден Г. Страна и правление московитов (записки немца-опричника) / Г. Шгаден // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск : Русич, 2003. – С. 380–430.
23. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – Москва : МИРОС, 1998. – 448 с.

References

1. Avril F. Puteshestvie po razlichnym chastyam Yevropy i Azii s opisaniem Velikoy Tartarii i razlichnykh narodov, ee naselyayushchikh [Travel to different parts of Europe and Asia, with a description of the Great Tartary, and the various peoples inhabiting her]. *Vostochnaya literatura: srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada* [Eastern Literature: medieval historical sources of the East and the West]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Avril/text.phtml?id=62>.
2. Vitsen N. *Puteshestvie v Moskoviyu* [Travel to Muscovy]. Saint-Petersburg, Symposium Publ., 1996. 272 p.
3. Zabrodina O. V. *Vospriyatie prostranstva i vremeni: istoriko-kulturnyy i aksiologicheskii aspekty* [Perception of space and time: historical, cultural and axiological aspects], Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agricultural University Publ., 2004. 154 p.

4. Zamyslovskiy Ye. *Gerbershteyn i ego istoriko-geograficheskie izvestiya o Rossii* [Gerbershtejn and its historical and geographical news about Russia], Saint-Petersburg, brothers Panteleeva Publ., 1884. 563 p.
5. Sukhman M. M. *Inostrantsy o drevney Moskve (Moskva XV–XVII vekov)* [Foreigners of ancient Moscow (Moscow XV–XVII centuries)], Moscow, Stolitsa Publ., 1991. 432 p.
6. Kontarini A. *Puteshestvie v Persiyu* [Journey to Persia]. Nikitin A. *Khozhdenie za tri morya: s prilozhenie opisaniya puteshestviy drugikh kuptsov i promyshlennykh lyudey v Srednie veka* [Nikitin A. Journey Beyond Three Seas: a description of the application of travel merchants and other industrial people in the Middle Ages], Moscow, Eksmo Publ., 2009, pp. 425–448.
7. Leleko V. D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kulture* [The space of everyday life in European culture]. *Mediabiblioteka filfaka* [Media library Philology]. Available at: <http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1220>.
8. Marzheret Zh. *Rossiya nachala XVII v. Zapiski kapitana Marzhereta* [Russia early XVII century. Notes of Captain Margeret], Moscow, Institute of History, Russian Academy of Sciences Publ. House, 1982. 254 p.
9. Mekhovskiy M. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on two Sarmatias], Moscow – Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ. House, 1936. 301 p.
10. Bochkarev N. V. *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniyam sovremennikov-inostrantsev* [Muscovy XV–XVII centuries. by tales of foreign contemporaries], Moscow, «Kraft+» Publ., 2000. 248 p.
11. Mosolkina T. V. *Gorod kak sreda obitaniya: London vo vtoroy polovine XVII veka* [City as a habitat: London in the second half of the XVII century]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2008, issue 23, pp. 71–79.
12. Nevill De la *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy], Moscow – Dolgoprudnyy, Allegro-Press Publ., 1996. 304 p.
13. Nikitin A. *Khozhdenie za tri morya: s prilozheniyami drugikh kuptsov i prmyshlennykh lyudey v Srednie veka* [Journey Beyond Three Seas: with applications other merchants and CCA people in the Middle Ages], Moscow, Eksmo Publ., 2009. 480 p.
14. Oleariy A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu. 1640-e gg.* [Description of Muscovy. 1640-ies]. *Rossiya 15–17 vekov glazami inostrantsev* [Russia 15-17 centuries the eyes of foreigners], Leningrad, Lenizdat Publ., 1986. 541 p.
15. *Opisanie puteshestviya v Moskvu Nikolaya Varkocha, posla rimskogo imperatora s 22 iyulya 1593 goda* [Description in Moscow Nikolai Varkocha, after the Roman emperor from 22 July 1593]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities Russian], 1874, read 4.
16. Reyntfels Ya. *Skazaniya svetleysheму gertsogu Toskanskomu Kozme III o Moskovii* [Tales Highness Duke of Tuscany Kozma III of Muscovy]. *Utverzhdenie dinastii* [Adoption dynasty], Moscow, 1997, pp. 240–406.
17. Stroev A. *Chem pakhnet chuzhaya zemlya* [What smells like a foreign land]. *Aromaty i zapakhi v culture* [Flavors and odors in culture], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 75–100.
18. Tektander G. *Puteshestvie v Persiyu cherez Moskoviyu 1602–1603 gg.* [Journey to Persia through Muscovy 1602–1603 gg.]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities Russian], 1896, read 2.
19. Foskarino Marko *Dnevnik Akselya Gyuldenstierne* [Diary Axel Gyuldenstierne]. *Donesenie o Moskovii...* [The report on Muscovy ...], Ryazan, Aleksandriya Publ., 2009, pp. 85–156.
20. Foskarino M. *Donesenie o Moskovii vtoroy poloviny XVI veka* [Report on Muscovy second half of the XVI century], Ryazan, 2009, pp. 9–80.
21. Shleyssinger G. A. *Polnoe opisanie Rossii* [Full description Russia]. *Voprosy istorii* [Problems of history], 1970, no. 1, pp. 103–126.
22. Shtaden G. *Strana i pravlenie moskovitov (zapiski nemtsa-oprichnika)* [The country and the rule of Muscovites (note the German-guardsmen)]. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia XVI century. Memories of the aliens], Smolensk, Rusich Publ., 2003, pp. 380–430.
23. Yurganov A. L. *Kategorii russkoy srednevekovoy kultury* [Categories Russian medieval culture], Moscow, MIROS Publ., 1998. 448 p.